

DOI 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-225-253

УДК 639.181

Д. Н. Караваева

Институт истории и археологии УрО РАН;

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3876-0975

E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

Британские мусульмане и идентичность *in-between* в зеркале городской антропологии*

АННОТАЦИЯ. Данная статья представляет выводы по исследованию идентичностей современных британских мусульман, граждан Великобритании и жителей городов Лондон, Манчестер, Олдем, Бредфорд и др., — с фокусом на британцев *in-between* и их британскость. Исследование основано на историографических, политических, музейных, медийных источниках, а также полевых этнографических материалах. Используя методы визуальной и городской антропологии, автор рассказывает, кто такие британские мусульмане, как развивается их идентичность и какова в этом роль города и типов городских кварталов. Речь идет прежде всего о 1) неких гетто, презентующих (но не сохраняющих) микроверсию мира, который его жители когда-то покинули; 2) кварталах космополитичного, торгового, в прямом смысле мультикультурного порядка; 3) «кварталах», не существующих как таковых, территории, остающейся подчас идеей, виртуальным пространством, замкнутым в пределах центральных и богемных районов (развлекательные мусульманские субкультуры, мусульманские хипстеры, университетская политизированная молодежь, которые сегодня в общем-то и формируют облик британского ислама как отдельного и уникального феномена). Территории символического пограничья, или *in-between*, имеют различаемые физические границы, заданные вектором проживания «иммигрантов», но тяготеют к освобождению от этих границ в географическом и символическом смыслах благодаря современным социокультурным процессам и развитию британского ислама как основы их идентичности. Автор показывает, что при определенном взгляде британский ислам может рассматриваться в качестве ресурса, объединяющего разрозненные этнические общины, способствующие успеху социальной конкуренции молодых британских мусульман с представителями «коренных народов», англичанами, шотландцами и пр., персональной индивидуализации и снижению религиозной радикализации.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А : британские мусульмане, мультикультурализм, иммиграция, городская антропология, идентичность, пограничье, британскость

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я : Караваева Д. Н.

Британские мусульмане и идентичность *in-between* в зеркале городской антропологии.

Этнография. 2023. 1 (19): 225–253. doi

10.31250/2618-8600-2023-1(19)-225-253

* Работа выполнена по гранту РНФ № 22-28-02064 «Особенности дискурса национальной/гражданской идентичности в *in-between* пространствах “иммигрантских” сообществ (на материалах “британских мусульман” в современной Великобритании)», рук. Д. Н. Караваева.

D. Karavaeva

Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3876-0975
E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

British Muslims and In-Between Identities from Urban Anthropology Viewpoint

ABSTRACT. This article presents findings from the study of identities of contemporary British Muslims, UK citizens and residents of London, Manchester, Oldham, Bradford, and other cities. The research focuses on their in-between status and their relationship with the notion of Britishness. The study is based on the historiographical, political, museum, and media sources and materials of ethnographic field studies. The paper describes British Muslims, their identity development, and the role of urban centers and particular neighborhood types in this process, examined through urban and visual anthropology tools. The article discusses three types of urban neighborhoods that shape the appearance of British Islam as a unique phenomenon: 1) ghettos, presenting (but not preserving) a micro-version of the world that its inhabitants once left; 2) neighborhoods of cosmopolitan, commercial, multicultural type; 3) neighborhoods that do not exist as such: territories that remain an idea, a virtual space enclosed within central and bohemian districts hosting Muslim entertainment subcultures, Muslim hipsters, politicized university youth, etc. The territories of the symbolic frontier, or in-between spaces, have distinct physical borders set by the immigrant residency destinations. Still, these borders tend to dissolve in geographical and symbolic senses due to modern socio-cultural processes and the development of British Islam underlying their identity. The author shows that British Islam can be seen as a resource that unites diverse ethnic communities, thus contributing to the success of the younger generation in social competition with long-time residents, their individualization, and the reduction of religious radicalism.

KEY WORDS: British Muslims, multiculturalism, immigration, urban anthropology, identity, frontier, Britishness

FOR CITATION: Karavaeva D. British Muslims and In-Between Identities from Urban Anthropology Viewpoint. *Etnografia*. 2023. 1 (19): 225–253. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-225-253

Работа посвящается глубокоуважаемому Андрею Владимировичу Головнёву, научному руководителю, вдохновившему раз и навсегда служить антропологии и науке. Разработка некоторых кейсов данной статьи начата во время аспирантского обучения у ученого и во многом является продолжением исследований в области дрейфа этничности и киноантропологии.

Британский ислам в частности и ислам вообще, помещенный в прокрустово ложе так называемой мигрантской идентичности, является чрезвычайно перспективной для науки темой исследования, иллюстрирующей сложность социокультурной коммуникации в рамках большинства сложных, «постимперских», «постколониальных», «диаспоральных» сообществ. В этой работе речь пойдет о Великобритании, в которой феномен британского ислама имеет многолетнюю историю (как минимум со времени массовой миграции выходцев из мусульманских (или с большим количеством мусульман) стран — бывших колоний: Пакистана, Бангладеш, Индии) и ярко выраженные формы и следствия: мультикультурализм, интеркультурализм, исламофобия, сегрегация и др. Статья является частью и продолжением большого исследования британской идентичности и идентичности британских мусульман, без понимания специфики которых трудно рассуждать о конкретных формах существования британского ислама как идентичности, но характеристика которых невозможна в рамках заданного объема журнальной статьи (Караева 2016).

Историография британского ислама весьма обширна и разнообразна: в мировой практике принято обращаться к истории иммиграции и ее специфике на разных этапах; интеграционной политике Великобритании и ее неудачах, политике мультикультурализма, исламофобии, социальной, экономической и культурной характеристике условий жизни и обычаев этой группы, ее этнического, конфессионального, возрастного и пр. составов, характеристике образа жизни «общины», «диаспоры», «британо-исламской идентичности» (в единственном числе) как неким цельным историческим, социологическим и антропологическим феноменам. Большинство работ представляют британский ислам как проблемную идентичность, результат слияния или сегрегации культур, причину или следствие политики мультикультурализма, которая «не работает» или находится в состоянии «краха» (Malik 2014); исследователи представляют обзор различных интерпретаций и причин «несовместимости» британского ислама как «восточной» культуры и всей остальной «западной» культуры (Кондратьева 2011; Ланда 2000; Тхор 2014; Alibhai-Brown 2001; Gabriel, Hannan 2011; Hopkins 2016; Malik 2014; Modood, Salt 2011 и др.). Отдельного внимания заслуживают работы британских и российских антропологов, которые созданы с опорой на полевые материалы и содержат глубокие описания специфики формирования

Рис. 1. Амирхан, молодой человек бангладешского происхождения, безработный, практикующий мусульманин, 2019 г. Фото Д. Н. Караваевой

Fig. 1. Amirkhan, a young man of Bangladeshi descent, unemployed, practicing Islam, 2019. Photo by D. N. Karavaieva

и трансформации идентичностей выходцев из Пакистана и Бангладеш (Котин 2008; 2016; Hoque 2015; 2019; Mustafa 2015; Sahin 2005).

Данная статья интересна тем, что обращается к исследованию внешне очень сложного и хаотичного дискурса идентичностей современных «британских мусульман» различных возрастов, или «поколений», с разных территорий, имеющих различное этническое происхождение, с фокусом на «третье и четвертое поколения» — родившихся и получивших образование в Британии, британцев по паспорту и британо-мусульман по культуре, жителей городов Лондон, Олдем и Бредфорд. Разрабатывается пока малоизученный, но чрезвычайно распространенный в современном мире феномен *идентичности in-between*, или *пограничной идентичности*, подчеркивающий и объясняющий изменчивый и разнообразный характер феномена пограничья и людей, которые его представляют. С использованием методов визуальной и городской антропологии по-новому рассматриваются особое место и роль города и городских кварталов, их коммуникационных узлов в развитии подобной идентичности. Город здесь — это скорее аллегория, идеальная среда для современного «мигранта», космополита, «транссерфера» по этничности. В статье затрагивается также проблема «видимости» и роли современной британо-исламской развлекательной культуры в развитии идентичностей этой группы граждан Соединенного Королевства. Нетипичен и взгляд на британо-исламские идентичности как в целом на *позитивный феномен*, позволяющий респондентам существовать в относительном мире со своими множественными идентичностями (уроженцы и граждане Великобритании, мусульмане, обладающие определенной социальной ролью и этническим происхождением). Так, где большинство журналистов и часть ученых видят растущую криминализацию, исламофобию, сегрегацию и другие проблемы интеграции, предвещают «закат Европы» и «конец Старого Света», антропологи фокусируются на сюжетах успешной интеграции и процессах обретения «видимости», в чем мусульмане вполне преуспели, особенно если учитывать пресловутую консервативность британского общества и «смертельную» «разность восточной и западной культур». Опыт Британии, в том числе и в отношении выстраивания объединяющей национальной идеи и интеграции инокультурного населения, важен в научном и научно-практическом отношении для постсоветской России, являющейся одним из ярких примеров кризиса «постимперской» национальной идентичности, «мультикультуралистского» кризиса, и столкнувшейся с ростом исламского экстремизма.

Исследование основано на историографических, политических, музейных, медийных источниках, а также на уникальных этнографических полевых данных, собранных в 2011–2020 гг. Все полевые данные можно разделить на несколько категорий: 1) материалы включенного

наблюдения в мечетях, на футбольных стадионах и в фанатских объединениях, в домах информантов, социальных и образовательных центрах, на культурных площадках, в университетских кафе и библиотеках, женских спортзалах; 2) 116 интервью, включая 21 экспертное; 3) результаты анкетирования 205 британских мусульман, занятых разными видами деятельности, мужского и женского пола, в пакистано-бангладешских районах Рушольм и Лонгсайт в Манчестере, Глодвик в Олдеме, пакистанском районе Маннингхам в Бредфорде в Северной Англии, бангладешском Тауэр-Хелметсе, Ньюхэме и Уотфорде в Лондоне. Всех респондентов можно охарактеризовать как людей пакистанского и бангладешского происхождения с выраженной британо-мусульманской идентичностью. Большинство из них — бангладешцы *силхети* (*Sylheti*) и пакистанцы *мирпури* (*Mirpuri*), выходцы из соответствующих областей Пакистана и Бангладеш и носители специфических диалектов и этнической культуры. Сбор материала происходил при активной поддержке «проводников» и информантов, без общей и языковой помощи которых исследование вряд ли бы состоялось в силу закрытости изучаемых сообществ. Из этических соображений и по просьбе интервьюированных фамилии не приводятся, некоторые имена изменены; используемые полевые материалы организованы в блоки и описаны по времени и месту сбора (см. перечень в конце статьи).

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАНИЦЫ

В данном исследовании мы придерживаемся понимания коммуникации Р. Хоггарта и Р. Вильямса, в рамках которого рассматриваются механизмы и способы взаимоотношений различных групп интересов и социальных классов посредством анализа общественного дискурса. Идентичность в рамках дискурсивного подхода предстает неким процессом постоянного переосмысления и переопределения себя человеком/группой/сообществом в широком контексте разнообразных культурных, политических, религиозных и иных социальных факторов и акторов, представлений, идеалов и норм, которые одновременно способствуют ее изменению и воспроизведению (Головнёв 2009; Губогло 2017; Тишков 2011; Филиппова, Ле Торривеллек 2018 и др.). В этом смысле особый интерес вызывают пограничные «территории», которые становятся своеобразными лабораториями по выстраиванию идентичности на физических, социокультурных, ментальных пространствах, являющихся полем конкуренции разных политических проектов и результатом разных исторических обстоятельств, отразившихся и на людях, и на населенных ими пространствах (регионах, городах, кварталах).

Понятия «границы» и «пограничья» успешно осваиваются и антропологами, составляя суть целого исследовательского

направления — «антропологии пограничья» (Беспмятных 2012; Eilenberg 2012 и др.). «Пограничье» можно трактовать достаточно широко — и как объекты, непосредственно примыкающие к государственной границе, и как (локальные) населенные пункты, в которых живут представители различных этносов, языковых групп, конфессий и традиций, и как локальную «приграничность» и внутривластьную культурную «разграниченность» (Беспмятных 2012: 38–40). Соответственно включение (исключение) в нарративы, предлагаемые носителям пограничной идентичности со стороны разных акторов разных иерархических уровней (от общегосударственных/региональных до внутриобщинных и внутрисемейных), оказывается видом такой дискурсивной социальной практики и в определенной степени может формировать и определять идентичность и внешний бренд. Пограничное самоощущение британских мусульман приводит к тому, что значимые нарративы могут сталкиваться друг с другом внутри самого человека, противоречить друг другу и исключать друг друга, затрудняя процесс самоосмысления, самоидентификации, включения в определенные социальные практики разного масштаба и направленности (от внутрисемейных до государственных / межгосударственных).

В область научных интересов городской антропологии сегодня входит широкий спектр тем, продиктованный многообразием городских сообществ и структур, выстроенных социальных связей и образованных форм городской социальной жизни. В фокус внимания попадают субкультуры, маргинализованные слои и городские элиты, общественные движения и практики повседневности, социальные проблемы, связанные с неравенством, преступностью, бездомностью и пр. Особое место в сборе, интерпретации и презентации данных отводится визуальным технологиям — документальной антропологической фотографии. Мы применяли приемы и принципы, разработанные в рамках визуальной и городской антропологии (Визуальная антропология 2009; Магидов 2005; Головнёв 2010 и др.).

В этом отношении антропологическая фотография выступает эффективным инструментарием; она в первую очередь раскрывает и оживляет тему идентичности, «этнопортрет»: в фокусе оказываются конкретные представители культуры и все, что их связывает с действительностью (деятельностные схемы, семантическое пространство и др.). Фотография в синтезе с текстом позволяет более точно и образно описать различные «типы» идентичности, а также характерные ритуалы, обычаи, визуальные символы.

Ценность исследовательской фотографии состоит в том, что она оставляет случайные, несконструированные, объективные образы. Фотография свободна и для интерпретации. В современной этнофотографии все более активно используется включение в контекст социума, культуры

Рис. 2. Домохозяйка Рия, 75 лет, жительница г. Олдем, мигрировала в Британию в 1970-е гг. из области Силхет на северо-востоке Бангладеша. Олдем, Манчестер, 2019 г.
Фото Д. Н. Караваяевой

Fig. 2. Housewife Riya, 75, a resident of Oldham, migrated to Britain in the 1970s from Sylhet, Bangladesh. Oldham, Manchester, 2019. Photo by D. N. Karavaieva

индивидуальной биографии как особого измерения социально-культурных процессов. Фотобиографии как истории людей, являющихся свидетелями и участниками реальных исторических событий, отражают сценарий и драматизм жизненного пути, возможности альтернативного развития, вписанность в систему общественных отношений. По мнению А. В. Головнёва, антрополога и кинорежиссера, наилучшим слепком культуры может стать только продукт погружения «в индивидуальность персонажа и рассмотрении эпохи (жизненной ситуации, культуры, политики) его глазами» (Головнёв 2009: 14–15).

БРИТАНСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ

Распад Британской империи в середине XX в. и последовавшая за ним «эпоха» постимперскости и постколониализма спровоцировали проблему определения собственных ценностей и их широкое общественное обсуждение. Данные процессы отражают тенденции становления гражданской нации в Великобритании, удачного или неудачного поиска интегрирующей концепции для разноликого в региональном, этническом, социальном и культурном отношении британского населения — британскости (*Britishness*) (Bryant 2006: 8–9). Усложняются данные процессы развитием в количественном и организационном отношении иммиграции (или ростом медийного присутствия по этим темам в общественном дискурсе), развитием дебатов о мультикультурализме, подъеме правого экстремизма, исламского фундаментализма, исламофобии и др. (Modood 2013; Uberoi, Modood 2015). В британском обществе все популярнее точки зрения об абстрактности и политизированности британскости, о наличии явного кризиса идентичности. Многие авторы сходятся на том, что британскость (и ее основа — английскость) — нечто обращенное в прошлое и взращенное на прошлом, особенно имперском (Bryant 2006). И основная «аудитория» данного концепта — не столько «коренные» британцы (которые считают это попыткой искусственно объединить множество этнических, региональных и локальных идентичностей), сколько жители и выходцы из ее бывших колоний (Alibhai-Brown 2001).

Особенно ярко интеграционные проблемы проявляются в отношении так называемого британского ислама и британских мусульман (*British Muslims*) — данная группа, словно обозначая приоритеты, приверженность идее панислама, если угодно, а не британской культуре, в первую очередь называет себя мусульманами, а не британцами. Между тем британские мусульмане сегодня — это граждане Британии, живущие в течение длительного времени или родившиеся и получившие образование здесь и считающие себя частью этой страны. Численность их сейчас относительно невелика, но наблюдается рост: 4,9 % или

2,7 млн, мусульман в Англии и Уэльсе, по статистике на 2011 г.; и 6,5 %, или 3,9 млн, — на 2021 г. (Census 2021), однако сообщество непрерывно растет в количественном отношении, социальной, политической организации и является номинально одной из существенных общественных сил в Британии, несмотря на то что британский ислам представляет множество этнических, социальных, половых, возрастных групп, и о выступлении организованным единым фронтом говорить не приходится (Hamid 2016; Khan 2019). По мнению специалистов, с 1990-х гг. и до сегодняшнего дня ислам стремительно укрепляет свои позиции — становится второй религией Британии по численности практикующих последователей, с активными организациями и структурами, действующими мечетями и религиозными центрами — сильнейшими в Европе и Америке (Lewis, Sadek 2018: 15–16). В общинах выходцев из Пакистана и Бангладеш происходит борьба, которая не всегда очевидна; связана она с отрицанием этнической традиции как ретроградной в пользу «эффективной силы добра мусульманской уммы» (ПМА-М, 6, 2017: Раджа).

Мусульмане, переехавшие в Соединенное Королевстве из Пакистана и Бангладеш, наряду с мусульманами из Индии, обществом Британии воспринимаются в целом «наиболее британскими» в силу давности проживания и желания интегрироваться, вместе с тем они считаются одной из наиболее проблемных категорий из-за бедности, нетрудоустроенности, дезинтеграции вследствие роста исламского радикализма (Ipsos MORI 2018). Британские мусульмане в целом в связи с усилением враждебности по отношению к ним после терактов в США и Лондоне позиционируют сегодня себя как одна из наиболее социально и экономически маргинализированных групп в Британии, мишень для СМИ, государства и общества. Исключение мусульман из британского общества по этническому и религиозному признакам, особенно мусульман пакистанского и бангладешского происхождения, по мнению респондентов, имеет долгую историю, и если прежде основанием для эксклюзии становился цвет кожи, сегодня мусульмане воспринимаются как отсталые, оппозиционные, антисовременные, не-британские исходя из религиозно-культурных традиций (ПМА-М, 13, 14, 2020; см. также: Ноуе 2015: 119–120).

Ответное стремление мусульман, особенно представителей молодежи, выбирать свой путь в оппозиции к остальной части общества, агрессивная реакция на исламофобию, рост религиозной радикализации не только в социально неблагополучных районах, но и в среде благополучных, образованных мусульман, укрепление позиций мусульманских экстремистских организаций в Великобритании, демонстративное ношение в общественных пространствах религиозных символов, таких как хиджаб, провоцируют дальнейшее разделение и неприятие со стороны других групп. Большое значение имеют социальные и экономические факторы: низкий социальный уровень и «деревенское происхождение»

первых поколений и волн иммигрантов, специфическая организация поселений и склонность к компактности проживания по этническому и религиозному признакам, формирование так называемых этнических гетто с высоким уровнем сегрегации, бедности, преступности; низкий уровень образования, ранние браки, безработица в среде мусульман, особенно пакистанского и бангладешского происхождения. Исследователи пишут о неэффективной работе местных администраций, враждебности СМИ, из-за деятельности которых отдельные районы с исламским населением стали считаться зоной, где не действуют законы. Отмечают также проблемы социальной нереализованности, критикуют драконовское антитеррористическое законодательство, которое направлено в основном против мусульман и связывается нередко с поддержкой так называемой неоконсервативной программы глобализации (Modood 2013). Указывают также на отсутствие работы и нежелание работодателя брать представителей «мигрантского сообщества», даже если эти самые «представители» уже в течение нескольких поколений проживают в Британии, обладают достаточным уровнем квалификации, что, в свою очередь, усиливает рост бедности, социального неблагополучия и еще больше исключает мусульман (и в первую очередь — молодых) из «видимого» социального поля (Кондратьева 2011: 41–43). Обстановка в таких мусульманских странах, как Ирак, Афганистан, Пакистан и Сирия, вносит свою лепту в общий негативный фон исламофобии (Panayi 2009).

Мусульманские общины организованы во многом по этническому признаку, сосредоточены в разных частях Британии, нередко компактно. Выходцы из Пакистана проживают преимущественно на территориях районов Ньюхам и Редбридж в Лондоне, в городах Уэст-Мидлендс, Западный Йоркшир, Ланкашир, Большой Манчестер, Лутон, Слау, Оксфорд и других промышленных городах юго-восточной Англии, а также в крупных промышленных городах Шотландии, таких как Глазго. Бангладешцы заселили район Тауэро-Хемлетс в Лондоне, города Лутон, Бирмингем, Манчестер, Олдем, Бердфорд, Кели, Ньюкасл, Сандерленд и др. (Кондратьева 2011; Котин 2016).

Пакистанские мирпурцы и бангладешские силхетцы — группа со сложным миграционным опытом, сопровождающимся расизмом, дискриминацией, этническими конфликтами с другими группами и индивидами (Kesvani 2019). Исторически эта группа иммигрантов была преимущественно мужской. В 1950–1970-е гг. они прибывали в качестве рабочих ночных смен фабрик и строили дешевое жилье в отдельных, разрешенных правительством районах, а затем перевозили жен и детей (середина 1960-х — 1980-е гг.). Брачная миграция и миграция в связи с заботой о родственниках стали происходить массово с 1970-х гг. и продолжаются до сегодняшнего дня (Modood, Salt 2011). Население в указанных районах быстро росло, в том числе за счет высокой рождаемости,

Рис. 3. Раджа, уроженец Олдема. 45 лет, бизнесмен, меценат, основатель смешанной школы для жителей Олдема разных этнических групп, включая англичан. Манчестер, 2019 г. Фото Д. Н. Караваяевой

Fig. 3. Radja, an Oldham native, 45, a businessman, philanthropist, and founder of a mixed school for Oldham residents of different ethnic groups, including Englishmen, 2019. Photo by D. N. Karavaieva

а после закрытия фабрик в конце 1980-х — 1990-е гг., массового бегства «белого» населения и падения уровня жизни мигрантов такие районы, как Глодвик в Олдеме или Маннингхам в Бредфорде (Северная Англия), а также Тауэр-Хелметс в Лондоне, стали представлять собой пространства для альтернативных идентичностей и иммигрантские гетто, лишь характерной кирпичной кладкой стен напоминающие собственно Англию. Между тем одежда их жителей, их магазины, еда, культура общения — все это можно рассматривать как некое *in-between* Бангладеш/Пакистана и Англии. Жилье в этих районах считается среди британцев некомфортным и бедным, неблагополучным с точки зрения соседства, воспринимается как нежелательное для проживания (Караваева 2015).

Британо-пакистанское и британо-бангладешское население является относительно однородным сообществом с точки зрения религиозной принадлежности. Более 90 % от общего числа бангладешцев в Англии и Уэльсе в 2021 г. определяют себя как мусульмане (Census 2021). Все они были рождены в семьях, придерживающихся исламской религиозной традиции, росли в соответствующем культурном контексте. Так, бангладешцы из Силхета и пакистанцы из Мирпура — мусульмане, представители каждой группы обычно имеют к тому же сходное социальное происхождение, крепкие родственные связи. Сходство в физических признаках (цвет кожи), а также в таких признаках, как одежда, привычка молиться и следование особой диете, в совокупности с религиозной общностью и общим правовым статусом способствовали созданию британско-исламской идентичности. Эта идентичность объединяет мусульман — бангладешцев и пакистанцев, несмотря на исторические противоречия между данными группами, в рамках широкой британо-мусульманской культуры: «Когда ты мусульманин, не так важно, из какой ты страны, мы все равно пойдем друг друга, это умма» (ПМА-М, 12, 2019: Амир).

Однако британский ислам как динамическая, разнообразная, открытая к изменениям «постмодернистская идентичность» не является четко очерченной структурой, здесь причудливо сочетаются личные, этнические, национальные и религиозные компоненты, идентичность в тех или иных обстоятельствах может оставаться преимущественно культурной или, наоборот, политизироваться (Ноуе 2019: 136–137). В целом британо-бангладешцы и пакистанцы — сунниты, однако среди них есть и шииты. Общность религии не подчеркивает разницу, социальную и идеологическую, между членами уммы (Lewis, Sadek 2018).

Важно видеть различие между политическим исламом, который распространился в мусульманском мире, и явлением политизации британских мусульман. С одной стороны, это философия исламских мыслителей — Кутба, Маудуди и Хомейни (Lewis, Sadek 2018: 30–42),

а с другой — ежедневные практики коммуникации и средового выживания. Политизирующиеся молодые представители британских мусульман нередко очень эмоционально говорят о маргинализации мусульман вообще, о радикализации, исламофобии как следствии террористических атак и дебатов о роли женщины в мусульманской среде. Они меньше подвержены призывам к насильственным действиям, для них большее значение имеет членство в символическом исламе, которое дает им чувство принадлежности и признания и делает их как бы видимыми в более широкой общественной среде. Нередко эта категория людей принимает активное участие в политических процессах на местном и национальном уровнях (Khan 2019).

Безусловно, возрождение ислама среди британских иммигрантов и рост интереса к нему являются результатом политики интеграции со стороны как государства, так и сообщества. Существует практика, когда при попытках самостоятельного решения тех или иных социальных вопросов человеку в конце концов приходится обращаться за помощью к посредникам из иммигрантской среды, то есть так или иначе «примыкать» к ним и идентифицировать себя с ними сначала в правовом поле, а затем и в культурном (Modood 2013). Большую роль в данных процессах играют неприятие «безнравственной западной культуры» (ПМА-М, 11, 2018: Насима) самими мусульманами, деятельность различных мировых исламских организаций, развитие так называемой халяльной модной индустрии в Эмиратах или Саудовской Аравии.

Независимо от того, говорим мы о культурном или политическом аспекте исламской идентичности в Британии, он, несомненно, играет огромную роль в иммигрантской среде и является значительно более важной идентичностью для «третьего поколения», нежели «британскость» или даже «бангладешскость», например, с которой ислам был связан в неразрывный клубок традиций и культуры у первого поколения приезжающих в Великобританию. При публицистских или академических разговорах о мусульманах упоминают обычно поколения и приписывают им ту или иную манеру поведения. Для первой категории («дедушки») ислам и бангладешская культура были неотделимы, ислам занимал скорее сферу быта и ритуалов и имел специфические, «деревенские» и сугубо этнические формы, вполне сочетающиеся с открытыми животами, цветными легкими платками, макияжем у женщин и пр. Первое поколение минимально интегрировалось, представители его были очень лояльны по отношению к «Большой Англии», принявшей их и давшей кров. Второе поколение, «родители», рождались, как правило, тоже за пределами Великобритании, но с детства или юношества жили в этой стране и уже имели ряд претензий к британскому обществу по поводу отсутствия экономических и политических прав, были подвержены секулярным тенденциям, выступали частью индустриальной культуры. «Дети», третье

поколение, родились уже в Соединенном Королевстве, здесь же получили образование, являются британцами по языку, культуре, но мусульманами по убеждению, радикализирующимися и чувствующими необходимость социальной и культурной конкуренции с «коренными». Очевидно, что, несмотря на кажущееся удобство, эта классификация не отражает реальности, критика теории поколений в иммигрантской среде сегодня уже не менее обширна, чем литература последователей этой теории (Lothers 2012; Ноке 2019; Petley, Richardson 2011).

Структурообразующую роль здесь играют отдельные институты или узлы коммуникации — помимо прямого социального назначения, юридической помощи неимущим мечети, медресе и исламские культурные центры (особенно в неблагополучных районах) помогают преодолеть сложности множественных самоидентификаций: быть британцем (место рождения/гражданство), бангладешцем (этническая принадлежность, память), мусульманином (религия, культурная идентичность), универсалистом по принципу в конкретных британских условиях, мужчиной или женщиной и т. д. Безусловно, британский ислам является сегодня идентичностью, позволяющей конкурировать с «коренными» в отношении «ценности» своей культуры: как говорят респонденты, «ислам — великая религия, вера высоких и мощных цивилизаций», «чудо Катара — это чудо ислама», «ислам — самая красивая религия, а мусульмане — избранные» (ПМА-М, 10, 2018: Джавид; 14, 2020: Ахмад).

ГОРОД, КВАРТАЛЫ, *IN-BETWEEN*

Основными площадками исследования идентичностей британских мусульман стали так называемые современные этнические гетто, пространство *trade-in* и постколониальный центр как *in-between* пространства, хотя и имеющие различаемые физические границы, заданные вектором проживания иммигрантов, но тяготеющие к освобождению от этих границ в географическом смысле благодаря современным социокультурным процессам и развитию британского ислама как основы их идентичности. Система узлов коммуникации — это мечети как территория для общинной социализации, мобилизации и публичных дискуссий; спортивные клубы, стадионы и школы как территории внешней коммуникации и конкуренции; дом как территория семейной социализации, защиты персонального, семейного и локального наследия; рынок и торговый центр как пространство приобщения к городским культурам и область трейдирования городских ценностей. Система кварталов, или квартализация, как главная экспозиция идентичности и ключевой способ коммуникации иммигрантского населения друг с другом и принимающим миром — это попытка не только в силу экономических и социальных обстоятельств проживать рядом и вместе, но и стремление создать

Рис. 4. Иршад, работник магазина восточных сладостей в Рушольме, Манчестер, 2019 г.
Фото Д. Н. Караваевой

Fig. 4. Irshad, an employee at the oriental candy store in Rusholme, Manchester, 2019.
Photo by D. N. Karavaieva

собственную территорию, островок безопасности, идентичности для людей, находящихся *нигде, между, in-between*, в пограничье.

Аллегория кварталов в описании идентичностей британских мусульман обращается к способам коммуникации, а не к группам-поколениям, как это принято зачастую в общественном дискурсе, что более продуктивно, на мой взгляд.

ЭТНИЧЕСКИЕ ГЕТТО

Этнические гетто — сегрегированное, зачастую криминальное пространство, характерное для стереотипов, транслирующихся в британских СМИ по поводу мусульман и разного рода мигрантов, для него характерны компактное расселение, социальная созависимость, большинство вышеперечисленных явлений, связанных с исламофобией. Подобный тип находим в Олдеме близ Большого Манчестера.

Иммигранты из Пакистана и Бангладеш, прибывавшие сюда в 1960–1970 гг. в качестве рабочих ночных смен фабрик (куда местные жители не хотели идти работать), вместо того, чтобы ждать строительства муниципальных домов для своих семей, строили дешевое жилье в отдельных районах, в которых строительство разрешало правительство. Затем они перевозили сюда своих жен и детей. Население здесь быстро росло за счет высокой рождаемости и иммиграции, в результате возникли густонаселенные этнические гетто, жители которых были связаны общностью страны исхода и подчас родственными связями. Затем, когда в 1980–1990-е гг. фабрики закрылись, иммигранты не смогли переселиться в другие места, поскольку уже привыкли жить именно здесь, не имели необходимой коммуникативной квалификации, достаточной языковой компетенции (особенно это касается жен рабочих). Эти дома никто не покупал из-за их некомфортабельности и близости к мусульманским общинам (несмотря на отдельные попытки городского совета модернизировать жилье), и сегодня такие города, как Олдем или Бредфорд в Северной Англии, только характерной кирпичной кладкой стен напоминают собственно Англию.

Вопреки сложившемуся мнению, в таких кварталах менее, чем в карибских (например, в Токстифе в Ливерпуле), распространены криминал и наркоторговля, однако случаются столкновения на расовой почве (как правило, с приходящими радикалами разных этнических и расовых групп, в основном белых), для этих мест характерны такие социальные проблемы, как бедность, безработица. Такие кварталы являются местами нежелательного пребывания, негативной идентичности.

Для многих проживающих здесь мусульман характерны две траектории исламской идентификации. В подобных районах нередко распространены, так скажем, фатальный тип идентичности, при которой

«благочестивый», «истинный», «консервативный» (ПМА-М, 9, 2018: Халифа) ислам имеет первостепенное значение. Среди таких категорий респондентов распространены антиисторическое понимание религии, примат шариата в качестве правового устройства. Мусульмане нередко ожидают здесь, что современные обстоятельства будут адаптироваться к исламу, негативно относятся к любым попыткам теологически или организационно его модернизировать, так как ислам здесь мыслится как единственно возможный организационный принцип. Зачастую респонденты демонстрировали «непреодолимый разрыв» с остальным обществом, говорили, что живут «в стране неверующих, испытывающих моральный упадок, контакта с которыми следует избегать» (ПМА-М, 7, 2017: Имран). Несмотря на то что они живут в этой стране, они не являются частью мультикультурной Великобритании. К счастью для Британии, подобный вариант идентичности демонстрировали всего около 10% всех опрошенных (ПМА-М, 1, 2012 — ПМА-М, 12, 2019).

Другой, менее распространенный здесь, но наиболее распространенный в целом среди британских мусульман—диффузный тип. В этом случае мусульмане считают себя мусульманами главным образом потому, что они родились в рамках этой религии — их мусульманская идентичность столь же «культурна», как и «религиозна». Например, религиозность подавляющего большинства мусульман ограничивается еженедельной пятничной молитвой и редкой (эпизодической) ежедневной молитвой, ношением закрывающей голову и/или лицо (редко — все тело) одежды (у женщин), иногда — ношением бангладешской или пакистанской одежды «по настроению или на праздник» (ПМА-М, 8, 2017: Алия).

Иллюстрациями данных типов могут служить судьбы молодых людей — студенток Сиддики и Амины, безработного Амирхана и домохозяйки Рии 75 лет. Сиддика и Амина учатся в Университете Лидса, на выходных приезжают в Олдем к родителям и поддерживают тесную связь с родственниками, довольно индифферентно относятся к теологическим и политическим проблемам ислама, мечтают разбогатеть и уехать из Олдема в Манчестер (большой город по соседству). Амирхан соблюдает ежедневный намаз, является постоянным прихожанином мечети Олдема, выпускником медресе при мечети, принимал участие в драках с белыми англичанами из района Салфорд Большого Манчестера, не имеет постоянной работы, демонстрирует агрессивное неприятие «английского образа жизни» — «развратного, шумного, грязного, высокомерного». Рия — многодетная мама, приехала в Олдем в 1970-е гг., практически не говорит по-английски, придерживается в бытовой жизни этнических бангладешских привычек и ритуалов, распространенных в регионе Силхет, откуда она родом. Поддерживает связи с многочисленными родственниками в Олдеме (ПМА-М, 1, 2012: Сиддика, Амина, Амирхан; ПМА-М, 4, 2015: Рия).

ИСЛАМСКИЙ TRADE-IN

Это торговое пространство в прямом и переносном смысле. Динамичные мультикультурные районы — коммерческие, торговые, нарядно-этнографические, туристические, коммуникативные, адаптационные, образовательные, площадка для любого рода политизированной активности. Такой вариант характерен, например, для района Рушольм в Большом Манчестере. В наибольшей степени здесь распространен диффузный тип ислама и так же, как в гетто, здесь находится место для идентичностей всех поколений. Как правило, проживающие и работающие в данных кварталах мало интересуются религией, не являются постоянно практикующими мусульманами, но согласны с основными принципами ислама и стремятся сохранить ислам как основной маркер своей идентичности. Ислам выступает для них культурной опорой, с помощью которой они противостоят ассимиляции «белой культурой» и конкурируют в социальном, коммерческом и культурном смыслах с теми, кто больше, чем они, относится к категории «коренных» и «местных». О таких А. Сахин, например, писал, что они составляют большинство мусульман Британии, и приверженность к исламу для них — частный, а не политический вопрос, определяемый их личным опытом, толкованием и самостоятельным выбором (Sahin 2005: 46–47). Время активного образования подобного рода кварталов — с середины 1990-х гг.

В данном случае речь идет о типичной мультикультурной и синкретичной идентичности британских мусульман и сочетании элементов бангладешской, мусульманской и британской идентичностей, а также урбанистической идентичности жителя Англии. Многие мусульмане могут быть этнически силхетцами здесь, но с культурной точки зрения они британцы. В данных пространствах, говоря словами исследователя М. Хердинга, происходит «распознавание» (*discernment*) (Herding 2014) — например, тогда, когда мусульманин из Шотландии может наслаждаться хаггисом (региональное блюдо из мяса), но из халяльных ингредиентов.

Таким образом, в рамках ислама при подобного рода коммуникации происходит не вытеснение местных традиций, а, наоборот, аккумуляция и адаптация, и благодаря, например, коммерчески успешным проектам образуется пространство экономического и культурного обмена, это своего рода эманация мультикультурализма.

Иллюстрациями данных типов могут служить судьбы Раджи, уроженца Олдема 45 лет, успешного бизнесмена и мецената, учредителя одной из смешанных школ в Манчестере, активно включенного в политическую деятельность в рамках местных администраций; стоматолога Амиры 50 лет; Иршада, работника магазина восточных сладостей 35 лет (ПМА-М, 6, 2017: Раджа; ПМА-М, 8, 2017: Амира; ПМА-М, 10, 2018: Иршад).

Рис. 5. Район Редбридж, уличный рынок, продавец Хизир пакистанского происхождения, Лондон, 2018 г. Фото Д. Н. Каравасовой

Fig. 5. Street market in the Redbridge borough; seller Hisir of Pakistani origin, London, 2018. Photo by D. N. Karavaieva

ЧИСТОЕ ПОГРАНИЧЬЕ, ПРОСТРАНСТВО ПОИСКА

Прямой локализации в определенном типе квартала, за исключением разрозненных территорий молодежных кафе, купе междугородних поездов, университетских библиотек и кампусов, конференций, торговых центров, мест заседания закрытых клубов и социальных акций различных обществ, нет. Здесь преимущественно образованная и профессиональная группа мусульман, в той или иной степени интересующаяся возрождением международно ориентированной современной версии ислама или же занимающаяся поиском смысла ислама как живой и духовной сущности в повседневности. В данных типах мест коммуникации представлены различные поколения, классы и профессии, но чаще это молодые мусульмане третьего или четвертого поколений с высшим образованием и благополучным социальным положением. Время активного распространения этого способа коммуникации — с начала 2000-х гг.

С точки зрения интереса к исламу эта группа очень разнится. В этой среде широко распространены консервативный религиозный ислам, духовный ислам, радикальный ислам и реформистский/современный ислам (Lewis, Sadek 2018). Культура и характеристики этого постисламистского поколения были метко обобщены моим респондентом, профессором факультета социологии Университета Уорвика В. Калра: «Эти люди... пример истории успеха двух десятилетий интеграции... Это ключевое поколение; у них есть навыки и образование, тогда как многим из их родителей не хватало опыта. И этот опыт будет все больше и больше приобретать международный резонанс: две цивилизации, Восток и Запад, не являются абстрактными понятиями для них, они влияют на них ежедневно, и им приходится с ними постоянно взаимодействовать... в то время как на международном уровне две культуры находятся в жесткой оппозиции» (ПМА-М, 12, 2019: Вириндер Калра).

Здесь могут присутствовать люди, идеологически и духовно связанные с возрождением ислама (они имеют мусульманское имя и идентичность, но не практикуют ислам), или мусульмане, которые активно его практикуют (для них характерно отправление ежедневных молитв, отращивание бороды или — для женщин — ношение хиджаба, соблюдение Рамадана, изучение арабского языка и совершение ежегодных паломничеств (хаджей) в Саудовскую Аравию) (ПМА-М, 13, 2020: Гопал). Наряду с этой группой растет число получивших профессиональное образование мусульман, повседневная жизнь которых напрямую связана с современными понятиями вроде демократии, экономического развития, политического лоббирования и обсуждения таких важных вопросов, как гражданство, права женщин и внешняя политика (Hoque 2015: 120–125). Как отмечает И. Тарло (Tarlo 2009), для некоторых этнических

меньшинств, живущих на Западе, их «инаковость» по отношению к западной культуре и стала механизмом роста интереса к «модной» и «сильной» арабской исламской культуре в противовес западной идеологии и культуре. О такой категории еще Ф. Льюис и Х. Садэк писали, что эта «мусульманская группа меньшинств... вышла из категории жертвы» и перешла в группу с «критическим гражданством» (*critical citizenship*) (Lewis, Sadek 2018: 141–144). Данный вид гражданства тесно связан с исламским феминизмом, выдвигаемыми требованиями о правах, признании и социальной справедливости не только для мусульман, но и общества в целом.

В отличие от своих преданных традициям и культуре родителей, родившихся еще в Бангладеше или Пакистане, эти мусульмане, считающие себя британцами, стремятся осмыслить ислам как живую сущность, относящуюся к их повседневной жизни внутри и за пределами дома. Исследователи считают, что наиболее активное обсуждение основ ислама в контексте британской жизни происходит в женской среде, это связано с тем, что религиозное воспитание женщин чаще всего проходит внутри семьи и этнорелигиозной общины.

Появление дискуссионного клуба *City Circle* в 1999 г. является символическим началом развития подобного способа коммуникации: он был создан группой друзей — выпускников университетов, которые хотели создать в Лондоне пространство, где профессионалы смогли бы встретаться, общаться и обсуждать профессиональное продвижение, образование, исламофобию, права человека, права женщин среди британских мусульман (Ramadan 2004). К началу пандемии общество распалось, но в Британии на сегодня существует целая сеть подобных клубов, уже более открытого характера, как, например «Объединение мусульманских женщин Британии» (*Muslim Women's Network UK*).

С данным пространством «чистого пограничья» связано и развитие исламской модной индустрии и потребительской культуры, способствующей росту группового самосознания мусульман и формированию специфического облика идентичности. В черед феноменов — новые способы развлечений, позволяющие оставаться мусульманам в рамках своей веры, такие как субкультура «крутых мусульман» (*Muslim cool*), ориентированных на религиозный рэп и уличную музыку с исламскими лозунгами (слоганами), мипстеры или мусульманские хипстеры (*mipsterz*), сети футбольных фанатов-азиатов таких клубов, как *Bangla Bantams*, индустрия развлечений (так называемый *Halalywood*), социальный фэшн (например, *Хиджаби Барби/Hijabie Barbie*) (ПМА 2012–2020).

Появление этой культуры можно рассматривать как сепаратистскую и изоляционистскую тенденцию, способствующую укреплению менталитета «мы против них» и потенциально ограничивающую межкультурные/межрелигиозные контакты. Тем не менее эти действия

обеспечивают инфраструктуру для развития этой британско-исламской культуры и ее процветания. Это также повышает самооценку, позволяет себя чувствовать равными представителям элитизированной английской культуры, формирует более гармоничный социальный фон без агрессии и радикализма, в целом новый, «современный», британский образ жизни (ПМА-М, 12, 2019: Амир).

Иллюстрируют данную среду судьбы таких наших респондентов, как Муса Чоудхари — фотограф, младший сын-баловень своего зажиточного отца, разбогатевшего на мелкой торговле в Олдеме; Тенсин Джавид 38 лет — бывшая модель, мусульманская феминистка, работница мусульманского культурного центра в Манчестере; Надира — выпускница Кембриджа, руководительница отдела продаж в банке Tomuga в Лондоне, и др. (ПМА-М, 4, 2015: Муса Чоудхари; ПМА-М, 8, 2017: Тенсин Джавид; ПМА-М, 13, 2020: Надира).

Как раз последние две среды (*trade-in* и чистое пограничье) являются активными агентами новой британско-исламской культуры и частью современного британского образованного, модного, исламистски сознательного и технологичного (*iPhone*-, *Facebook*-, *Instagram*-) поколения. Британский ислам здесь выступает неким мостом между традициями и современностью, помогает молодым британцам-мусульманам прийти в согласие с их национальной (британской), этнической (бангладешской) и религиозной (исламской) идентичностями, становится медиатором формирования постколониальной «промежуточной» мигрантской культуры (*in-between culture*).

Таким образом, британско-мусульманская идентичность как часть британской идентичности существует в множественной, динамичной и многоуровневой форме взаимодействия и взаимозаменяемости различных культурных и исторических версий, духовных, религиозных идей с разными степенями радикализации, концепций общины и территории, территориального бренда, версий специфики взаимодействия с британцами, в том числе весьма политизированных.

Палитру идентичностей британских мусульман, представляющих собой сложный и внешне хаотичный дискурс, происходящий на различных площадках (дом, мечеть, стадион, торговые и культурные центры, а также некое медиапространство), я попыталась показать с помощью концептов пограничья и *in-between*-идентичностей, где города, кварталы и узлы коммуникации — это полигон для динамично развивающейся британо-мусульманской культуры.

Отдельные городские кварталы превращаются в некие гетто, презентующие (не сохраняющие) микроверсию мира, который его жители

Рис. 5. Район Редбридж Лондон, 2018 г. Фото Д. Н. Караваевой

Fig. 5. The Redbridge borough, London, 2018. Photo by D. N. Karavaieva

когда-то покинули, другие становятся территорией космополитичного, мультикультурного проекта (я говорю о кампусах, многоэтнических пригородах или спальных районах, которые становятся аккумуляторами различных движений за идентичности, а также естественной средой обитания ее носителей, жаждущих сохранения или обретения исторического и культурного наследия), третьи вообще не существуют как таковые, оставаясь больше идеей, виртуальным пространством, замкнутым в пределах центральных и богемных районов (развлекательные мусульманские субкультуры, мусульманские хипстеры, университетская политизированная молодежь, которые сегодня в общем-то и формируют облик британского ислама как отдельного и уникального феномена).

Несомненно, британский ислам сегодня представляет собой не столько тиражируемую медиа опасность радикализации, культурной сегрегации, противоречащих британской культуре антисекularных тенденций или даже разрыва культурных и семейных связей внутри различных поколений в рамках общины, сколько ресурс, объединяющий разрозненные этнические общины, способствующий успешной социальной конкуренции молодого поколения с представителями «коренных народов», персональной индивидуализации и снижению религиозной радикализации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН — Архив Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА-М, 1, 2012 — Полевые материалы автора, р-н Глодвиг Олдема, Большой Манчестер, 2012 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 01).

ПМА-М, 4, 2015 — Полевые материалы автора, р-н Глодвиг Олдема, Большой Манчестер, 2015 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 04).

ПМА-М, 6, 2017 — Полевые материалы автора, р-н Глодвиг Олдема, Большой Манчестер, 2017 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 06).

ПМА-М, 7, 2017 — Полевые материалы автора, р-н Маннингхам Бредфорда, Западный Йоркшир, 2017 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 07).

ПМА-М, 8, 2017 — Полевые материалы автора, р-н Лонгсайт Манчестера, Большой Манчестер, 2017 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 08).

ПМА-М, 9, 2018 — Полевые материалы автора, р-н Маннингхам Бредфорда, Западный Йоркшир, 2018 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 09).

ПМА-М, 10, 2018 — Полевые материалы автора, р-н Рушольм Манчестера, Большой Манчестер, 2018 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 10).

ПМА-М, 11, 2018 — Полевые материалы автора, р-н Тауэр-Хемлетс Лондона, 2018 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 11).

ПМА-М, 12, 2019 — Полевые материалы автора, р-н Тауэр-Хемлетс Лондона, 2019 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 12).

ПМА-М, 13, 2020 — Полевые материалы автора, р-н Тауэр-Хемлетс Лондона, 2020 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 13).

ПМА-М, 14, 2020 — Полевые материалы автора, Лютон, Бердфоршир, 2020 г. (Архив ЛМГИ ИИиА УрО РАН. Ф. 2. А. 1. 14).

Aggarwal R. Halalywood: The Rise of the Islamic Entertainment Industry // *Aquila Style*. 2019. June 7. URL: <https://aquila-style.com/halalywood-the-rise-of-the-islamic-entertainment-industry> (дата обращения: 15.02.2023).

Census 2021: Religion, England and Wales // Office for national Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/bulletins/religionenglandandwales/census2021> (дата обращения: 15.02.2023).

Ipsos MORI 2018: A review of survey research on Muslims in Britain // Ipsos MORI Agency. 2018. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/review-survey-research-muslims-britain-0> (дата обращения: 15.02.2023).

Lothers M., Lothers L. Mirpuri Immigrants in England: A Sociolinguistic Survey. Dallas: SIL International, 2012. 33 p.

Беспамятных Н. Н. Антропология пограничья: концептуализация исследовательского направления // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. 2012. № 2 (18). С. 36–43.

Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М.: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2009. 312 с.

Головнёв А. В. Дрейф этничности // *Уральский исторический вестник*. 2009. № 4 (25). С. 46–55.

Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // *Уральский исторический вестник*. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Губогло М. Н. Этничность как истина и как правда: опыт лексико-семантического исследования. М.: ИЭА РАН, 2017. 69 с.

Караваева Д. Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия — Англия — Северная Англия. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 344 с.

Кондратьева Т. С. Великобритания: провал политики мультикультурализма // *Актуальные проблемы Европы*. 2011. № 4. С. 35–78.

Котин И. Ю. Ислам в Южной Азии и Великобритании. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 288 с.

Котин И. Ю., Меренкова О. Н. Бангладешцы в Лондоне: этноконфессиональная группа в мультикультурном мегаполисе. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 244 с.

Ланда Р. Г. Мусульмане в Великобритании // *Азия и Африка сегодня*. 2000. № 9. С. 51–56.

Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 394 с.

Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Оренбург: ОГАУ, 2011. 232 с.

Тхор В. В. Британская мусульманская идентичность в условиях мультикультурализма // *Философия и культура*. 2014. № 1. С. 89–98.

Филиппова Е. И., Ле Торривеллек К. (ред.). Свои и чужие: метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы. М.: ИЭА РАН; Горячая линия — Телеком, 2018. 344 с.

Alibhai-Brown Y. *Imagining the New Britain*. L.: Routledge, 2001. 320 p.

Bryant Ch. *The Nations of Britain*. N. Y.: Oxford University Press, 2006. 316 p.

Contractor S. *Muslim Women in Britain: De-mystifying the Muslimah*. Abingdon: Routledge, 2012. 224 p.

Eilenberg M. *Borders of engagement // At the Edges of States: Dynamics of State Formation in the Indonesian Borderlands*. 2012. P. 43–74.

Gabriel Th., Hannan R. *Islam and the Veil: Theoretical and Regional Contexts*. L.: Continuum, 2011. 224 p.

Hamid S. *Young British Muslims: Between Rhetoric and Realities*. L.: Routledge, 2016. 191 p.

Herding M. *Inventing the Muslim Cool: Islamic Youth Culture in Western Europe*. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2014. 270 p.

Hopkins P. *Geographies of Muslim Identities: Diaspora, Gender and Belonging*. L.: Routledge, 2016. 232 p.

Hoque A. *Being Young, Male and Muslim in Luton*. L.: UCL Press, 2019. 128 p.

Hoque A. *British-Islamic Identity: Third-generation Bangladeshis from East London*. L.: Trentham Books, 2015. 176 p.

Kesvani H. *Follow Me, Akhi: The Online World of British Muslims*. L.: Hurst & Co Publishers Ltd, 2019. 206 p.

Khan M. *Being British Muslims: Beyond Ethnocentric Religion and Identity Politics*. L.: Author House UK, 2019. 234 p.

Lewis P., Sadek H. *British Muslims: New Directions in Islamic Thought, Creativity and Activism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. 265 p.

Malik K. *Multiculturalism and Its Discontents: Rethinking Diversity after 9/11*. L.: Seagull Books, 2014. 96 p.

Modood T. *Multiculturalism*. 2nd edition. L.: Polity, 2013. 262 p.

Modood T., Salt J. *Global Migration, Ethnicity and Britishness*. L.: Palgrave Macmillan, 2011. 300 p.

Mustafa A. *Identity and Political Participation Among Young British Muslims: Believing and Belonging (Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series)*. L.: Palgrave Macmillan, 2015. 238 p.

Panayi P. *An Immigration History of Britain: Multicultural Racism since 1800*. L.: Routledge, 2009. 300 p.

Petley J., Richardson R. *Pointing the Finger: Islam and Muslims in the British Media*. L.: Oneworld Publications, 2011. 320 p.

Sahin A. *Exploring Religious Life-world and Attitudes toward Islam among British Muslim Adolescents // Francis L. J., Robbins M., Astley J. (eds.). Religion, Education and Adolescence: International Empirical Perspectives*. Cardiff: University of Wales Press, 2005. P. 164–184.

Tarlo E. *Visibly Muslim: Fashion, Politics, Faith*. Oxford: Berg Publishers, 2009. 320 p.

Uberoi V., Modood T. *Multiculturalism Rethought: Interpretations, Dilemmas and New Directions*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 400 p.

REFERENCES

- Alibhai-Brown Y. *Imagining the New Britain*. London: Routledge, 2001. (In English).
- Bespamyatnyh N. N. [Anthropology of the borderland: conceptualization of the research direction]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga universiteta kultyry i mastatstvay* [Journal of the Belarusian State University of Culture and Arts], 2012, no. 2 (18), pp. 36–43. (In Russian).
- Bryant Ch. *The Nations of Britain*. New York: Oxford University Press, 2006. (In English).
- Contractor S. *Muslim Women in Britain: De-mystifying the Muslimah*. Abingdon: Routledge, 2012. (In English).
- Eilenberg M. Borders of engagement. *At the Edges of States: Dynamics of State Formation in the Indonesian Borderlands*, 2012, pp. 43–74. (In English).
- Filippova E. I., Le Torrivellek K. (eds.). *Svoi i chuzhie: metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Friends and foes: metamorphoses of identity in the east and west of Europe]. Moscow: IEA RAS Publ.; Goryachaja liniya — Telekom Publ., 2018. (In Russian).
- Gabriel Th., Hannan R. *Islam and the Veil: Theoretical and Regional Contexts*. London: Continuum, 2011. (In English).
- Golovnev A. V. [Close-up in anthropology]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal], 2010, no. 4 (29), pp. 14–20. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Ethnicity drift]. *Ural'skiy istoricheskij vestnik* [Ural historical journal], 2009, no. 4 (25), pp. 46–55. (In Russian).
- Guboglo M. N. *Etnichnost kak istina i kak pravda: opyt leksiko-semanticheskogo issledovanija* [Ethnicity as verity and truth: experience of lexico-semantic research]. Moscow: IEA RAS Publ., 2017. (In Russian).
- Hamid S. *Young British Muslims: Between Rhetoric and Realities*. London: Routledge, 2016. (In English).
- Herding M. *Inventing the Muslim Cool: Islamic Youth Culture in Western Europe*. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2014. (In English).
- Hopkins P. *Geographies of Muslim Identities: Diaspora, Gender and Belonging*. London: Routledge, 2016. (In English).
- Hoque A. *Being Young, Male and Muslim in Luton*. London: UCL Press, 2019. (In English).
- Hoque A. *British-Islamic Identity: Third-generation Bangladeshis from East London*. London: Trentham Books, 2015. (In English).
- Karavaeva D. N. *Anglijskaya identichnost i ee diskurs: Britaniya — Angliya — Severnaya Angliya* [English identity and its discourse: Britain — England — Northern England]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2016. (In Russian).
- Kesvani H. *Follow Me, Akhi: The Online World of British Muslims*. London: Hurst & Co Publishers Ltd, 2019. (In English).
- Khan M. *Being British Muslims: Beyond Ethnocentric Religion and Identity Politics*. London: Author House UK, 2019. (In English).

- Kondratieva T. S. [UK: the failure of the policy of multiculturalism]. *Aktualnye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2011, no. 4, pp. 35–78. (In Russian).
- Kotin I. Yu. *Islam v Juzhnoy Azii i Velikobritanii* [Islam in South Asia and the UK]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2008. (In Russian).
- Kotin I. Yu., Merenkova O. N. *Bangladeshtsy v Londone: etnokonfessionalnaya grupa v multikulturnom megapolise* [Bangladeshis in London: an ethno-confessional group in a multicultural metropolis]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2016. (In Russian).
- Landa R. G. [Muslims in UK]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa], 2000, no. 9, pp. 51–56. (In Russian).
- Lewis P., Sadek H. *British Muslims: New Directions in Islamic Thought, Creativity and Activism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. (In English).
- Magidov V. M. *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Film and photo documents in the context of historical knowledge]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2005. (In Russian).
- Malik K. *Multiculturalism and Its Discontents: Rethinking Diversity after 9/11*. London: Seagull Books, 2014. (In English).
- Modood T. *Multiculturalism*. 2nd edition. London: Polity, 2013. (In English).
- Modood T., Salt J. *Global Migration, Ethnicity and Britishness*. London: Palgrave Macmillan, 2011. (In English).
- Mustafa A. *Identity and Political Participation Among Young British Muslims: Believing and Belonging (Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series)*. London: Palgrave Macmillan, 2015. (In English).
- Panayi P. *An Immigration History of Britain: Multicultural Racism since 1800*. London: Routledge, 2009. (In English).
- Petley J., Richardson R. *Pointing the Finger: Islam and Muslims in the British Media*. London: Oneworld Publications, 2011. (In English).
- Sahin A. Exploring Religious Life-world and Attitudes toward Islam among British Muslim Adolescents. Eds. by Francis L.J., Robbins M., Astley J. *Religion, Education and Adolescence: International Empirical Perspectives*. Cardiff: University of Wales Press, 2005, pp. 164–184. (In English).
- Tarlo E. *Visibly Muslim: Fashion, Politics, Faith*. Oxford: Berg Publishers, 2009. (In English).
- Thor V. V. [British Muslim Identity in the Context of Multiculturalism]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and culture], 2014, no. 1, pp. 89–98. (In Russian).
- Tishkov V. A. *Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala "Etnopanorama" 1999–2011* [Unity in Diversity: Publications from Ethnopanorama Magazine 1999–2011]. 2nd edition. Orenburg: OGAU Publ., 2011. (In Russian).
- Uberoi V., Modood T. *Multiculturalism Rethought: Interpretations, Dilemmas and New Directions*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. (In English).
- Vizualnaya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual anthropology: urban memory maps]. Eds. by E. R. Jarskoy-Smirnovoy, P. V. Romanova. Moscow: Tsentr sotsialnoy politiki i gendernyh issledovaniy Publ., 2009. (In Russian).

Submitted: 10.01.2023

Accepted: 30.01.2023

Article published: 01.04.2023